

ПОЛУДЕННЫЙ ЖАР

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Жаркий день, вся дворня на покосе, усадьба кажется брошенной, - во всей усадьбе только я и дурочка Глаша. Она гостит у нас, теперь сидит под раскрытым окном людской, обращенной задом к солнцу, темной, полной мух и, оттого что в ней пекли утром хлебы, очень жаркой. Сидит и что-то говорит: часто так до самого вечера и все говорит, вслух думает. Я вышел из дому, - увидав меня, кличет к себе:

- Папаша, поди-ка ко мне. Поди, не бойся.

Я вхожу в тень избы и сажусь под окном на скамейку.

- Чего ж мне бояться, Глаша, я не боюсь.

Она с ласковым сожалением качает головой:

- У, дурак, дурак. Как же не бояться? Я глупая, убогая, а спокон веку боюсь. Все думаю, все боюсь. Прежде лежала сколько лет, а он меня в тележке возил...

- Кто возил?

- Оська возил, сирота, отрок божий, первый вор был на всех ярманках, потом, сказывали, в остроге в Задонске сидел. Я, бывало, лежу, а он меня везет, по всем деревням впричет кричит, милостинку на меня просит, а я лежу, я, мол убогая, безногая. Мне не бог ножки отнял, а сама отлежала их, сама в тележку легла, а кто ж бы мне дал, кто милостинку сотворил? Никто бы не дал, дур и так на свете много, побирушек, папаша, много, а народ, он жадный. Они все, мужики-то, жадные, всякому жалко с копейкой расставаться, а корку хлебную, горбушку, он се блажей цыпленку размочит, цыпленка своего напичкает. Я и лежу, а он кричит, по полям, по деревням меня везет, по ярмонкам. По ярмонкам хорошо бывает, народ гамит, карусели летят, музыка, колокольчики, по церквам трезвон, но то что в поле, там-то и есть самый страх и жар.

- Какой страх и жар?

- У, дурак, дурак. Какой же бывает жар? Полуденный жар, в какой Еву полуденный бес искушил. А как бросил Оська меня возить и тележку себе взял, я сама, папаша, стала просить, сама стала ходить, меня теперь все знают, все почитают, на станцию приду, жандар честь отдает, буфетчик чаем угощает. А по полям, по степям, нету там, папаша, живой души, одни видения.

- Что ж тебе там видится?

Задумалась, стала говорить, глядя вдаль:

- В церковь венчать привезли меня, папаша. Жених высокий, лютый, а красивый, загляденье. Загляденье, до чего хорош! Свечи зажгли, венцы на нас надели. Народ стоит, а никто не говорит. Бояться, папаша. Бояться. А на мне будто портки черные, пинжак черный, я и рада, хорошая стою. Рада, веселая...

- Ну и что ж? Перевенчали вас, а потом?

Она очнулась от задумчивости:

- У, дурак! Нетто можно спрашивать? Он блуд со мной сотворил, а у меня сердце зашло, я аж петухом закричала от той ужаси, проснулась и вся трясусь, плачу, рыдаю, а на меня ангелы крыльями дуют со всех сторон, ничего не видеть, темь, погреб, а я вижу, как они белеются, вихрем округ меня... У, дурак, дурак! - ласково и восторженно сказала она грубым голосом и захохотала диким, блаженным хохотом. - А ты говоришь: не бояться! Как же не бояться?

Успокоившись, опять заговорила задумчиво:

- Да, вот он преподобный был, а как погибал! Он святой был, Серафимом звали, ангелом, а сперва простой будильщик был. Была там обитель в лесу, а он монахов будил: "Вставайте, вставайте, душу не проспите!" По ночам их будил. Семь лет будил, послушанье нес, потом дьяконом сделали. А то все будил: вставайте, мол, - бесы на вас по кельям глядят, глазами горят, дышают, кахают. А как дьяконом стал, еще пуще страсти натерпелся. Выйдет, выйдет к народу, поднимет орать, хочет возгласить, ан нет, ничего не может закричать. Народ стоит, ничего не видит, а он видит, и то в жар его кинет, то в чистый мороз: то красный как кумач сделается, то как снег белый. Да. Народ молчит, и он молчит, только одно видит: по всей церкви ангелы служат, по воздуху плывут, кадилами, дымом машут, грозой сверкают, ризы белью, крылья белые... Я тогда у батюшки гостила, он все это мне сказывал, по книжке читал. Как пьяный, тик читать. Без умолку читал!